

УДК 002.2

ВАСИЛЬ БЫКОВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

© В. В. Оскерко, Л. И. Петровичева, к.филол.н.,
доцент, Белорусский государственный
технологический университет, Минск, Беларусь

**В статті окреслено коло людей, що складали оточення
В. Бикова у 1955—1977 рр., проаналізовано вплив їх ідей
на створення повісти «Мертвим не болять».**

**In clause the circle of the people is outlined which made
V. Bykov environment in 1955—1977, the influence of their
ideas on creation of the story «The Dead Feel No Pain».**

Постановка проблемы

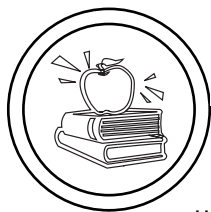
Василь Быков (1924—2003) — белорусский писатель мирового масштаба. Однако до сих пор не существует авторитетного полного собрания его сочинений, а большинство изданных произведений не соответствуют авторской воле. Таким образом, актуальность текстологического исследования наследия писателя очевидна.

Чтобы выработать аутентичный текст произведения, необходимо провести полноценный текстологический анализ творчества: найти все существующие источники текста, возродить творческую историю, классифицировать и интерпретировать переработки, выявить искажения. Все перечисленное невозможно осуществить без подробного изучения окружения писателя. Анализ отношений, которые связывали творца с другими людьми, характеров и судеб этих людей позволяет добавить новые штрихи к портрету самого автора, без чего прочтение его творческого наследия не будет полноценным.

Анализ предыдущих исследований

Окружение классиков изучалось и изучается очень основательно. Чаще всего его исследуют в рамках изучения биографии писателя, но иногда окружение становится отдельной темой исследования. Из наиболее важных работ на постсоветском пространстве нужно отметить энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение» С. В. Белова [1], книги «Пушкин и его окружение» Л. Черейского [2], «Лев Толстой и пушкинская Россия» С. Розановой [3].

В Беларуси окружение писателя как отдельная тема почти не рассматривалось: обычно круг современников затрагивался только в биографических исследованиях. Исключением является попытка очертить литературное и бытовое окружение Якуба Коласа, предпринятая М. Мушинским [4]. Автор анализирует мемуарные источники с целью «возродить бытовую, личную и общественно-культурную обстановку, в которой находился писатель» [4, С. 144].

КНИГОЗНАВСТВО

Окружение В. Быкова отдельно также никогда не изучалось. Косвенно внос в разработку этой темы сделал С. Шапран в своей книге «Василь Быков. История жизни в документах, публикациях, воспоминаниях, письмах». Однако книга не затрагивает взаимовлияние В. Быкова и его окружения.

Цель работы

Обзор окружения В. Быкова позволит нам очертить круг людей, которые могли влиять и влияли на писателя. Он станет вспомогательным инструментом для анализа исполнения авторской творческой воли, выявления творческой истории его текстов, интерпретирования и комментирования наследия писателя.

К сожалению, мы были вынуждены ограничиться сведениями о фактических изменениях, которые произошли в творчестве писателя под влиянием его окружения (как изменение названия произведения, поправки в содержании и т. п.) в гродненский период его творчества (1955—1977), когда он нашел свой писательский стиль и характер. Изменения в творчестве Василя Быкова под влиянием идей мы только затронули, проанализировав историю создания повести «Мёртвым не ба-ліць».

Результаты проведенных исследований

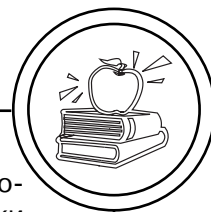
В 1956-м, менее чем через год после увольнения из армии и приезда в Гродно, В. Быков устроился на работу в газету «Гродненская правда». Вычиты-

вал сообщения информационных агентств, правил тексты, переводил с белорусского на русский и наоборот [5, С. 201]. Работа в издании в первое время стала благоприятной средой для рождения Быкова-писателя.

Поддержку своих творческих склонностей В. Быков встретил в лице Ирины Суворовой, которая была литсотрудницей той же «Гродненской правды». Уже в начале работы в редакции ее оценка была очень важной для начинающего писателя [5, С. 202]. Позже спадарыня Ирина, которая через годы стала второй супругой Василя Владимировича, сыграла очень важную роль в творчестве писателя: она перепечатывала произведения, «стала первым и очень придирчивым критиком всего... написанного» (что поначалу обижало писателя) [5, С. 212].

Некоторое влияние на В. Быкова оказал художник-ретушер В. Фридрихсон, который занимал в редакции стол рядом. «Мои военные рассказы воспринимал с доброй долей дружеской иронии, особенно что касалось героизма. И я, может, впервые почувствовал другую сторону того, на что рассчитывал в восприятии моих произведений читателем», — вспоминал писатель [5, С. 207].

После того, как в печати появились несколько рассказов В. Быкова, его пригласили на ежегодный семинар молодых писателей. Там присутствовали также В. Карпов, Я. Брыль, И. Мележ, В. Адамчик — молодые и еще не очень известные, И. Шамякин, который в то время уже был лауреатом Государственной

премии СССР за роман «Глыбокая плынь», и др. Видимо, семинар пошел на пользу: по возвращении молодой писатель составил из того, что собралось, свой первый сборник и отправил в издательство [5, С. 206].

Приблизительно в это же время В. Быков познакомился с гродненцем А. Карпюком, также прозаиком... «Карпюк и Быков дружили всегда. На съезды, пленумы, на телевидение в Минск они ехали в одном купе. Не сразу они начали рассказывать о себе анекдоты, так, чтобы один рассказывал, а второй рядом слушал и поправлял или добавлял какую-то деталь», — вспоминает Д. Бичель. Для нее и другой начинающей писательницы — О. Ипатовой — В. Быков и А. Карпюк стали настоящими примерами мужества, моральными авторитетами [6].

А. Карпюк познакомил Быкова со своим другом Б. Клейном, историком, и втроем они составили, как сами потом говорили, «неформальный клуб вольнодумных интеллектуалов». «Нет необходимости доказывать, что именно В. Быков был лидером нашей группы», — пишет в своих воспоминаниях Б. Клейн [7, С. 543]. Историк вспоминает, что именно через В. Быкова в руки гродненских интеллигентов попадал «самиздат». «Мы чувствовали авторитет Быкова как писателя и влияние его мощной, доминирующей над обстоятельствами натуры» [7, С. 543, 550].

В. Быков и правда вскоре стал одним из «бунтарей» против политики бесконфликтности, которая в конце 1950-х—на-

чале 1960-х доминировала в советской литературе. Истоки «новой прозы», пионером которой он считается, писатель находил в книгах В. Некрасова «В окопах Сталинграда», Ю. Бондарева «Батальоны просят огня», Г. Бакланова «Пядь земли» и др. [5, С. 77]. Именно после того, как прочитал повесть «Пядь земли», В. Быков «отложил все, что на то время писал, и с жаром сел за “Третью ракету”» [5, С. 211]. И конечно, не мог не иметь влияния на белорусского прозаика К. Симонов, роман которого «Живые и мертвые» вышел в 1959 году. В. Быкову запомнилось на всю жизнь, как на очередном конгрессе КОМЭСА в Риме при известии об аресте в Москве Синявского и Даниеля К. Симонов негромко сказал, что «арест поэта — всегда позор для правительства» [5, С. 242].

В начале 1960-х на одном из писательских совещаний В. Быков познакомился с молодым ученым и начинающим прозаиком Алесем Адамовичем [5, С. 212—213]. Знакомство вылилось в сердечную дружбу. «Саша [Адамович] со своей неисчерпаемой общественной энергетикой был важной духовной опорой для Василя, вселял в него оптимизм и бодрость, рассеивал присущий ему мрачный взгляд на окружающие обстоятельства» [8]. Встречаясь, писатели «начинали рассказывать друг другу о своей следующей повести, обсуждали сюжеты, разные детали» [6].

А. Адамович познакомил В. Быкова со многими московскими писателями и литературове-

КНИГОЗНАВСТВО

дами, в том числе с В. Оскоцким, Л. Лазаревым, которые стали добрыми друзьями и критиками В. Быкова [5, С. 215—216].

В. Быков, несмотря на идеологическую критику, активно издавал свои произведения. Со всевозможными редакционно-издательскими работниками у него сложились особенные отношения. Одни его поддерживали, боролись за его произведения (В. Дамашевич, Р. Соболенко, Н. Татур), другие — жестоко критиковали или оказывались инструментами «главлитовской» цензуры (М. Танк, И. Колесник, Б. Саченко, Н. Пашкевич, И. Новиков).

Редакторов, которые имели возможность не принимать, искажать, резать и «не ленились» это делать, В. Быков называл литературными полицаями [5, С. 310—311]. Не всегда их действия отзывались в творчестве писателя негативно, однако чаще всего старатели беспощадно исправляли «нескладное» произведение.

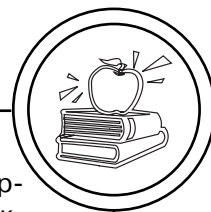
Из всех издателей, наверное, самую важную роль в творческой судьбе В. Быкова сыграл А. Т. Твардовский, главный редактор журнала «Новый мир». Первое же его письмо к В. Быкову, где он одобрил выступление прозаика на V съезде Союза писателей, стало самым важным. «Похвальное слово редактора и мэтра российской литературы было для меня важнее, чем угрожающие выпады всех «литературоведов в штатском», — вспоминает белорусский прозаик [5, С. 257]. Позже именно А. Т. Твардовский под-

толкнул В. Быкова заняться авторепереводом [5, С. 266]. Первым произведением, самостоятельно переведенным на русский, стала повесть «Праклятая вышыня» (1968), русскоязычный вариант которой по требованию главного редактора «Нового мира» получил название «Атака сходу». Изменение было необходимо не с творческой точки зрения, а с идеологической [5, С. 267].

Одним из советов А. Т. Твардовского было «учиться и брать пример не только с российской литературы, которая давно задушена идеологией, а и с западной... где сильного влияния достигла литература экзистенциализма» [5, С. 281]. В. Быков и правда увлекся произведениями А. Камю, Ж.-П. Сартра, а больше всего — Г. Беля. Об их влиянии на белорусского писателя можно судить по тому, что уже в конце XX века В. Быкова назовут последним экзистенциалистом Европы.

К сожалению, А. Т. Твардовскому работа с В. Быковым принесла немало неприятностей: после публикации повести «Сотников» (1970), название которой также выбрал сам вместо быковского «Ліквідацыя», он потерял должность главного редактора журнала «Новый мир» и скоро умер без любимой работы [5, С. 283].

Чтобы увидеть, как влияли на творчество В. Быкова идеи, что появлялись в его окружении, была исследована творческая история повести «Мёртвым не баліць» (1964—1965). Автор решил на работу со сложной темой: главный отрицательный

герой повести — представитель советских карательных органов. Позже В. Быков вспоминал: «Решающую роль... сыграли, наверное, чувство протеста вместе с подсознательным стремлением к истине, так или иначе живущим в тайниках души униженного человека, как и поправанного народа».

Из воспоминаний писателя известно, что толчок к написанию произведения дал разговор с Н. Пашкевичем, тогда главным редактором газеты «ЛіМ». Возвращаясь из Москвы в Гродно, В. Быков фактически случайно зашел в редакцию. С Н. Пашкевичем он поспорил: «Никифор проявил полный антагонизм к моим мыслям-взглядам, которые я вез из Москвы». Чтобы переубедить собеседника, В. Быков рассказал ему о случае из собственной жизни, на что тот ответил: «Ну вот, почти готовая повесть» [5, С. 232, 235]. Таким образом, можно утверждать, что в разговоре с Н. Пашкевичем случайно был найден сюжет и родилась идея повести, основанной на более строгой внутренней моральной шкале, которая укрепилась под влиянием диссидентской московской компании.

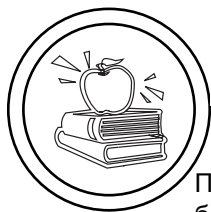
Повесть «Мёртвым не баліць» Василь Быков создавал в Гродно. Из воспоминаний Б. Клейна следует, что некоторое время перед появлением повести их с Быковым и Карпюком встречи стали более частыми. Однако длительные прогулки с бурными спорами троих известных в городе людей стали отслеживаться КГБ. Встречи с друзьями, бурные разговоры, а

также внимание со стороны органов безопасности только укрепляли В. Быкова в желании изобличить отношение тоталитарного государства к личности.

«Мёртвым не баліць» — самое автобиографическое из всех произведений фронтового цикла — В. Быков начал писать в тот же год, когда А. Карпюк закончил автобиографический очерк «Мая Джамалунгма». В нем, кроме всего прочего, рассказывается о том, как после побега из концлагеря Штутгоф А. Карпюк попал в число подозреваемых, что тогда было «почти то же, что заранее получить приговор». После публикации очерка Карпюк опять, как в войну, привлек внимание органов госбезопасности. Таким образом, во время написания произведения, в котором один из главных героев бдительный «особист» Сахно, В. Быков имел перед глазами «натуру» — реальные события.

Выводы

Изучение круга людей, которые могли влиять и влияли на творчество В. Быкова — только один из этапов работы по исследованию истории текстов писателя, уточнению обстоятельств его жизни. И в этой работе важно использовать не только традиционный для текстологии анализ мемуаров писателя и воспоминаний людей из его окружения. Необходимо также обращаться к не очень популярному сегодня методу: изучение жизненного и творческого пути людей, которые окружали писателя, и воспоминаний непосредственно о них.

КНИГОЗНАВСТВО

Пример повести «Мёртвым не баліць» показал, что такая работа может дать интересные сведения о возникновении замысла текста, процессе создания

произведения, которые в свою очередь помогут уточнить интерпретацию произведения, более подробно прокомментировать его.

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: В 2 т. / С. В. Белов. — СПб.: Алетейя; РНБ, 2001. — Т. 1 (А—К). — 576 с.; Т. 2 (Л—Я). — 544 с.
2. Черейский Л. Пушкин и его окружение / Л. Черейский. — Л.: Наука, 1975.
3. Розанова С. Лев Толстой и пушкинская Россия / С. Розанова. — М.: Флинта, 2000. — 288 с.
4. Мушынскі М. Што захавала ўдзячная памяць: Якуб Колас і яго асяроддзе ў мемуарным жанры / М. Мушынскі // Палымя. — 2008. — № 11. — С. 144—162.
5. Быкаў В. Доўгая дарога дадому / В. Быкаў. — Мінск: Кніга, 2004. — 544 с.
6. Бічэль Д. Вялікая прыгода ў маім жыццё / Д. Бічэль // Наша ніва. — 2008. — 7 чэрвеня. — С. 12.
7. Карпюк А. Выбраныя творы / А. Карпюк; уклад., прадм., камент. А. Фядута. — Мінск: Кнігазбор, 2007. — 700 с.
8. Лазарев Л. Правда останется / Л. Лазарев // Знамя. — 2003. — № 12.

Надійшла до редакції 02.02.09